

4. Учет данных статусов единиц языка-текста (как систем) дает возможность более глубокого анализа, во-первых, трёх пространств художественного (поэтического) текста: культурного, языкового и эстетического; а во-вторых, позволит установить текстовые смыслы не только денотативного, образного, глубинного (Ю. М. Лотман), но и духовного уровня текстовой семантики.

Н. Г. Качамазова
Екатеринбург

КОМИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ИРРАЦИОНАЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОВЕСТИ

А. И Б. СТРУГАЦКИХ

"ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ"

Пожалуй, единственное, что объединяет столь непохожие друг на друга миры произведений Аркадия и Бориса Стругацких, - это проблема преодоления ограниченных форм бытия. В повести "Понедельник начинается в субботу" (1967) - дидактической сказке, учебнике смысла жизни и счастья - способы преодоления ограниченных форм бытия различны по своей значимости для концепции произведения. Самым существенным в этом отношении для концепции повести становится образ Института как формы преодоления ограниченности бытия.

Три истории, а по сути три части, на которые авторы делят свое произведение, - это постепенное вхождение главного героя в иррациональное художественное пространство Института, преобразование обычного программиста в мага, способного к открытиям. С первой и до последней страницы в этом учебнике счастья дает о себе знать комическое видение происходящего.

Задача этой работы - определение форм, сущности и значения комического в иррациональном художественном пространстве повести "Понедельник начинается в субботу".

Проявления комического мы находим на различных уровнях произведения: на уровне слова, так, фамилия бюрократического монстра НИИЧАВО, держащего большинство магов в страхе, Камноедов. Всего одна соединительная гласная "о" вместо "е" в фамилии показывает, что авторы отнюдь не слово "камень" подразумевают в качестве первого корня, входящего в состав этой фамилии. Комическое в повести являет себя и на уровне фразы: в отделе Оборонной Магии главный герой находит папку с грифом "Совершенно

секретно. Перед прочтением сжечь". Иногда дважды произнесенная через промежуток фраза делает эпизод анекдотом.

В иррациональном пространстве возникают ситуации, несущие значение перевернутых отношений: в ситуации, где схлестываются две запретительные системы, побеждает та, чьи поползновения пресечь все и вся превосходят всякие границы; так, юный милиционер Ковалев в административной схватке с темпераментным чинушей Камноедовым выглядит жалким ягненком в лапах волка.

Авторы повести "Понедельник начинается в субботу" выбирают особую тональность комического: повествование идет не столько на уровне смеха, сколько на грани улыбки и полуулыбки. Комическое, словно бы, накапливается от эпизода к эпизоду: сцена, где хозяйка Избы на курьих ногах Нина Киевна Горыныч предупреждает Сашу Привалова, чтобы он "зубом не цыкал", открывает череду эпизодов, которые комически фатально приводят к сцене, где герой произносит фразу: "Отдуться мне было не с чего, и я принялся цыкать зубом".

Способность героя довольствоваться малым, сказавшаяся в этой сцене, впоследствии будет развернута авторами в анекдотических иррациональных метаморфозах, осуществляемых Сашей Приваловым при попытке магически сотворить себе бутерброд и чашку кофе. Но метафоры становятся не только поводом для характеристики героя, в повести комически метаморфируется и иррациональное прошлое: древние мифы, мистические образы осовремениваются, "ореализуются" за счет снижающей физиологической или социально-психологической детали (один из вурдалаков, томящихся в виварии Института, схватив главного героя повести, произносит, обращаясь к сокамерникам: "А ну, урки, с кем на троих?") с одной стороны, перевода мистическую ситуацию в ситуацию тюремную, с другой - в бытово-алкогольную.

Социальное, дающее о себе знать в иррациональном пространстве, порой осмысливается авторами сатирически, поскольку чаще всего является знаком приспособленчества случайных личностей в альтруистическом Институте магов.

Но часто формальный подход к делу, прижившийся в иррациональном пространстве, получает не сатирическое, а юмористическое осмысление. Прежде всего это относится к пародиям на утопию, встречающимся в повести. В пародии на сказочную утопию ведьма отправляется на шабаш, называемый теперь республиканским слетом, жука жалуется Привалову на то, какие желания заставляют ее

выполнить: "Один совсем обалдел. "Выполни, говорит, за меня годовой план на лесопилке." Года мои не те - дрова пилить..." Если основным приемом пародирования сказочной утопии становится обытовление сказочных персонажей, то для пародирования социальной утопии Стругацкие часто используют снижающую деталь, демонстрирующую ограниченность представлений авторов утопий о грядущих возможностях цивилизации. В целом в весьма эклектичной повести, порой напоминающей капустник, деталь не является способом конкретизации: детали, несущие иррациональное значение, открывают "старый магический мир" с новой стороны, привносят в него то, чего раньше не было, детали социальные представляют за целую социальную закономерность, но и иррациональная, и социальная детали служат созданию комического эффекта.

Взаимоотношения иррационального начала и начала комического в повести сложны: комическое "ореализует" иррациональное, а иррациональное начало, точнее, его стык со стереотипно-социальным, используется авторами как комическое средство. Именно взаимодействие комического и иррационального помогают Стругацким в исследовании нравственной утопии, воспевающей беспредельность возможностей доведенной до абсолюта духовности.

Л. С. Кислова
Тюмень

ЖЕНСКАЯ ТЕМА В ДРАМАТУРГИИ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

Драматургия Л. Петрушевской была нетипичным для своего времени явлением, в частности в связи с особой интерпретацией женской темы, столь откровенно противоречащей общепринятым постулатам равноправия. Женщина приобретала в драме Л. Петрушевской изначально статус жертвы. И жертвы не столько мужского "шовинизма", сколько жертвы системы, которая под знаком равноправия заставляла женщину постоянно бороться за выживание. Героини Л. Петрушевской живут словно на поле боя, они ведут бесконечную войну с собой, со своей семьей, со всем миром. Ира, героиня комедии "Три девушки в голубом", говорит: "Цепкая, что и говорить. Цепляюсь за жизнь". Однако, борясь за выживание, женщина в драме Л. Петрушевской не становится сильнее и мудрее, она идет на любые безнравственные и жестокие поступки, пытаясь добиться